

МУЧЕНИК ИОАНН ПОПОВ И СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ): ПАРАЛЛЕЛИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Денис Сергеевич Калашников

*Кандидат биологических наук, магистр теологии, аспирант Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия)*

denis-s-kalashnikov@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3526-2268

DOI: 10.54700/wm8kr20

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы жизненного пути, богословские взгляды и церковно-общественная деятельность двух выдающихся русских богословов рубежа XIX–XX вв. — профессора Ивана Васильевича Попова и архиепископа Илариона (Троицкого). Анализ выполнен в сравнительно-биографическом ключе, с использованием церковно-исторического и идейно-теоретического подходов. На их примере впервые сравниваются разные типы церковного служения (профессор-мирянин и церковный иерарх), объединенные общей духовно-интеллектуальной традицией представителей духовного сословия. Раскрыта преемственность их ключевых богословских идей: от концепции И. В. Попова о любви как гармоническом отношении воли — до любви как единства Церкви в экклезиологии архиепископа Илариона. Показано, каким образом обожение, актуализированное в трудах И. В. Попова, преломляется в богословии архиепископа Илариона, приобретая характер начала, объединяющего святоотеческую христологию, сотериологию и экклезиологию, и используется им для критики католических и протестантских доктрин. Так, оба они, в контексте идей «нового богословия», оказываются значимыми учениками митр. Антония (Храповицкого). В том же ключе раскрыта динамика их взглядов на наследие блаж. Августина. Проанализирована эволюция их церковно-общественных позиций в условиях репрессий (включая Соловецкое послание и отношение к Декларации митрополита Сергия). На примере двух этих фигур показано, что единство в главном (верность

Церкви) и расхождения в частном (роль иерархии, отношение к компромиссам с властью) отражают ключевые противоречия русской церковной интеллигенции, пытавшейся сохранить веру в эпоху катастроф.

Ключевые слова: мученик Иоанн Попов, священномученик Иларион (Троицкий), Московская духовная академия, академическое богословие, интеллектуальная биография, история Церкви, духовное сословие.

Для цитирования: Калашников Д. С. Мученик Иоанн Попов и священномученик Иларион (Троицкий): параллели жизни и творчества // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2025. № 3 (15). С. 93–110. DOI: 10.54700/wm8kk20

MARTYR IOANN POPOV AND HOLY MARTYR HILARION (TROITSKY): PARALLELS OF LIFE AND WORK

Denis S. Kalashnikov

Candidate of Biological Sciences, Master of Theology,

graduate student of Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Russia)

denis-s-kalashnikov@yandex.ru ORCID: 0000-0002-3526-2268

DOI: 10.54700/wm8kk20

Abstract. The article examines the main stages of the life path, theological views and church and social activities of two outstanding Russian theologians of the turn of the XIX-XX centuries — Professor Ivan Vasilyevich Popov and Archbishop Hilarion (Troitskiy). The analysis is carried out in a comparative biographical way, using church-historical and ideological-theoretical approaches. Using their example, for the first time, different types of church ministry (a lay professor and a church hierarch) are compared, united by a common spiritual and intellectual tradition of ‘Popovichy’ (children of Russian Orthodox clergy). The continuity of their key theological ideas is revealed: from I. V. Popov’s concept of love as a harmonious relationship of wills to love as the unity of the Church in Archbishop Hilarion’s ecclesiology. It is shown how deification, actualized in the works of I. V. Popov, is reflected in the theology of Archbishop Hilarion, acquiring the character of a principle

uniting Patristic Christology, Soteriology and Ecclesiology, and is used by him to criticize Catholic and Protestant doctrines. Both, in the context of the ideas of the 'New theology', turn out to be younger disciples of Mitr. Anthony (Khrapovitsky). The dynamics of their views on the legacy of St. Augustine is revealed. The article analyzes the evolution of their church-public positions in the face of repression (including the Solovetsky Message and the attitude to the Declaration of Metropolitan Sergius). Using the example of these two figures, it is shown that unity in the main (loyalty to the Church) and differences in the particular (the role of hierarchy, attitude to compromises with power) reflect the key contradictions of the Russian church intelligentsia, which tried to preserve the faith in an era of catastrophe.

Keywords: Martyr Ioann Popov, Martyr Hilarion (Troitsky), Moscow Theological Academy, Academic theology, Intellectual biography, Church history, 'Popovichy' (children of Russian Orthodox clergy).

For citation: *Kalashnikov D. S. Martyr Ioann Popov and Holy Martyr Hilarion (Troitsky): Parallels of Life and Work // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2025. No. 3 (15). Pp. 93–110. DOI: 10.54700/wm8kkr20*

Введение: общность происхождения и идеалов

Сравнительное исследование жизненного пути и идейного наследия двух крупных богословов конца XIX — начала XX вв. — Ивана Васильевича Попова (17 [29] января 1867 — 2 августа 1938) [Никифоров 2010: 321–326] и архиепископа Илариона (Владимира Алексеевича Троицкого; 13 [25] сентября 1886 — 28 декабря 1929) — было предпринято нами не без оснований. Сближает их не только происхождение из рядов провинциального священства, характерная образовательная и карьерная траектория, но и целый ряд черт, с одной стороны, ставших безусловно и целиком личными, а с другой стороны, присущих представителям духовного сословия, таких как аскетизм, принципиальность, целеустремленность, самодисциплина, трудолюбие, выраженный идеал служения обществу, высокая оценка отечественной национальной культуры, активная жизненная позиция и, наконец, ярко выраженный морализм [Манчестер 2015: 11–13]. Избежали они, как кажется, других характерных для представителей своего сословия

черт: черно-белого восприятия мира, утилитаризма, ненависти к высокой культуре и богатству, а также нетерпимости и озлобленности против любых проявлений аристократизма [Франк 1910: 156–184]. Эти ключевые особенности нашли отражение не только в интеллектуальной биографии каждого из них, которую мы рассмотрим в ряду ученик — учитель, а также профессор-мирянин — церковный иерарх, но в итоге позволили им проявить подлинно христианский характер в сложных и подчас непреодолимых жизненных обстоятельствах, приведших их к мученической кончине.

Биографические параллели: из провинции в Академию

Иван Васильевич Попов родился в г. Вязьма и свое начальное образование получил в семье, в 1882 г. окончил Вяземское духовное училище, а в 1888 г. — Смоленскую духовную семинарию и был рекомендован «к поступлению в состав <...> академического курса» МДА [Журналы совета МДА 1888: 336–337], которую окончил в 1892 г. [Сидоров 2004: 5–16].

Архиепископ Иларион родился в селе Липицы Каширского уезда Тульской губернии (ныне Серпуховской район Московской области). Окончил Тульское духовное училище в 1900 г., затем продолжил обучение в Тульской духовной семинарии, которую окончил в 1906 г. Свое образование он блестяще завершил в МДА, войдя в число лучших выпускников 1910 г. [Горбачев 2016: 18–39]. С Московской духовной академией теснейшим образом связана вся дальнейшая деятельность как И. В. Попова, так и архиепископа Илариона.

Академическое и церковное служение: учитель и ученик

Первые шаги их академической карьеры очень похожи: профессорское стипендиатство — защита магистерской диссертации — должность доцента, с той лишь разницей, что их разделяло время. В момент их встречи в МДА один из них был учителем, второй — его учеником. По-видимому, своими обширными знаниями в патрологии и святоотеческом учении будущий владыка Иларион обязан как раз профессору И. В. Попову. Позднее, уже на Соловках, он говорил о нем: «Если бы, отцы и братия, все наши с вами знания сложить вместе, то это будет ничто пред знаниями Ивана Васильевича» [Гаврюшин 2005: 369].

Если И. В. Попов принципиально избрал для себя карьеру профессора-мирянина, хотя и оставался «монахом в светском звании», то его ученик был действительно пострижен в монашество, и в то же время для него открылся путь иерархического служения. 28 марта 1913 г. он принял монашеский постриг с именем Иларион, 11 апреля был рукоположен в иеродиакона, 2 июня — в иеромонаха, а 5 июля возведен в сан архимандрита. Параллельно развивалась его административная карьера: в мае 1913 г. он занял пост инспектора МДА, а позднее, с мая по сентябрь 1917 г., исполнял обязанности ее ректора.

Ситуация в МДА была тогда непростой, академическую корпорацию раздирала череда личных конфликтов, усугублявшаяся на фоне политики церковных властей. Каждому члену академической корпорации предстояло выработать свою собственную позицию по отношению к сложившимся обстоятельствам. В письме от 15 октября 1913 г., адресованном архиепископу Арсению (Стадницкому), профессор И. В. Попов с горечью делится размышлениями: «Когда мысленно сравниваешь время Вашего ректорства с настоящим, то получается такое ощущение, как будто служишь в совсем другом учреждении <...> У нас не осталось стариков. Быт академический умер. Мы не только не бываем друг у друга, но при встрече по возможности даже не разговариваем между собою. А отсюда Академии как целого теперь не существует. В ней действительно спокойно, но спокойно, как на Шипке, если припомнить эту знаменитую картину» [Евгений, архиеп. Верейский 2004: 124].

В период пребывания в должности инспектора МДА архимандрит Иларион уделял особое внимание духовному развитию учащихся. Он стремился приобщить их к активной церковной жизни, поощряя их участие в просветительской и проповеднической деятельности. Его деятельность в стенах академии ярко продемонстрировала сочетание глубокой научной эрудиции (проявившейся в богословских трудах) и практической компетентности в решении административных задач, что укрепило его репутацию как талантливого ученого и эффективного администратора. Впрочем, на фоне сложившейся в академии атмосферы оценка профессором Поповым административно-организационной деятельности своего бывшего ученика была по меньшей мере сдержанной. «Новость о переводе инспектора в Киев не неприятна. Хотя Иларион и присмирел, а все лучше, если он будет ректором не у нас», — писал И. В. Попов своему другу, профессору

МДА С. И. Смирнову в июле 1915 г., комментируя ложный слух о переводе архим. Илариона в Киев [Ячменик 2024: 99].

В этот короткий момент профессор Попов и архим. Иларион разошлись во взглядах и оказались по разные стороны идеологических баррикад. Несмотря на то, что Попов весьма критически отзывался о политике ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского) и, так или иначе, не мог в своих замечаниях, пусть и косвенно, не затрагивать архим. Илариона, но в то же время с научной объективностью, хотя и с некоторой сдержанностью, оценивал магистерскую диссертацию последнего как весьма достойную. Важно отметить, что все это не помешало их сотрудничеству в последующие годы как на академическом поприще, так и в церковно-общественной деятельности, например в качестве членов Священного Собора Православной Российской Церкви, избранных от МДА (1917).

В последующие годы архим. Иларион сумел продемонстрировать, что его стремительное продвижение по карьерной лестнице было обусловлено не только поддержкой ректора. Он быстро утвердился в качестве самостоятельной фигуры, которая в своих действиях руководствуется не сиюминутными интересами, а глубокими личными убеждениями и глубоко выверенной позицией. Постепенно его разногласия с ректором по ключевым вопросам жизни академии становились все более очевидными и вскоре привели к полному идейному расхождению с преосвященным Феодором. Поэтому на выборах ректора академии, состоявшихся в 1917 г., он открыто выступил против переизбрания епископа Феодора на новый срок.

Тогда же, совместно с иеромонахом Варфоломеем (Ремовым), архимандрит Иларион выразил несогласие с инициативой епископа Феодора, озвученной на съезде ученого монашества. Последний предлагал создать специальные братства ученых монахов, чтобы защитить чистоту православно-богословской науки. Его оппоненты аргументировали свою позицию следующим образом: «Считая желательным, чтобы церковная власть организовала одну духовную академию с особым уставом, определяющим ее управление и быть на строго церковных началах, не находим, однако, никакой возможности согласиться с принятой съездом резолюцией. Особая академия в резолюции предлагается “в ограждение чистоты православно-богословской науки от той опасности, которая угрожает ей при реформе Академий на началах автономности”» [Живая жизнь 1917: 143 (1-я пагин.)]. В этих словах резолюции выражено осуждение суще-

ствующих академий, совершенно ими незаслуженное, потому что считать профессоров академий врагами православной веры нет каких-либо достаточных оснований. История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для Православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо особой опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были раньше» [Живая жизнь 1917: 143 (1-я пагин.)]. И в другом месте: «Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время в общем не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения» [Всероссийский съезд ученого монашества 1917: 3]. Из этих слов становится очевидным, что воззрения архим. Илариона относительно автономии академий, статуса преподавателей-мирян и перспектив духовного образования в целом стали практически идентичны взглядам Ивана Васильевича. В дальнейшем их духовное и идейное родство в этом отношении только укреплялось.

Сближало их одно, но безоговорочно важное обстоятельство: «интересы Святой Церкви и академии», которым они были преданы решительно и полностью. В этом не только жизненное кредо этих выдающихся ученых, заложенное, очевидно, на самых ранних этапах становления личности каждого из них, но и ключ к пониманию их богословского творчества, которое вырастает из тех же корней. «Для меня в жизни, — говорил И. В. Попов, — самое основное — интересы Святой Церкви и родной мне академии, которая воспитала меня, дала образование и поставила на ноги. Я всем обязан ей и благодарен до смерти» [Сидоров 2004: 16]. Можно с уверенностью утверждать, что таких же взглядов придерживался владыка Иларион.

Богословские концепции: обожение и единство Церкви

Центральная тема богословского творчества владыки Илариона — учение о Церкви. Ключевой его тезис «вне Церкви нет спасения», который в духе радикального антиэкуменизма прочитывается как «вне Православной

Церкви нет спасения». Для него не может быть других христианских конфессий, в которых не может быть христианства вообще. Аргументируя свои рассуждения, он обращается к авторитету отцов Церкви, прежде всего Иринея Лионского и Афанасия Великого, опираясь при этом на статьи И. В. Попова «Религиозный идеал святого Афанасия Александрийского» [Попов 1903] (1903–1904) и его же «Идея обожения в древневосточной Церкви» [Попов 1909: 165–213] (1909).¹ Именно Попов первым из академических богословов обратился к проблеме обожения, ставшей одной из центральных в богословских дискуссиях XX в. и до сих пор не утратившей своей актуальности. Благодаря прот. Г. Флоровскому, который был хорошо знаком с работами Попова, тема обожения в 1930-е гг. вызывает интерес М. Лот-Бородиной, а из ее статей об обожении узнают западные богословы. Но вернемся к рассуждениям владыки Илариона.

Вот что он пишет по этому поводу: «Современному малорелигиозному человеку догматические споры IV в. кажутся непонятными и как бы не имеющими смысла. Но “это была борьба двух до крайности противоположных воззрений на Христа — мистически-религиозного, в котором Он являлся источником жизни, спасения, бессмертия и обожения, и рационалистического, где Христос представлялся лишь обожествленным Учителем и нормальным примером для Своих последователей. Вопрос шел, в сущности, о том, останется ли в будущем христианство религией со всей совокупностью его светлых верований и мистических упований или оно разрешится в простую философию с религиозным оттенком, каких немало было в то время. Поэтому-то и вопросы о Божестве Сына Божия, затрагивавшие самую интимную сторону верующей души, обсуждались на площадях и рынках”» [Иларион Троицкий 2012: 163]. Таким образом, вопрос обожения приобретает у владыки Илариона жизненно важное практическое значение. По его мысли, именно идея обожения в святоотеческой мысли «в одну цельную и возвышенную систему стройно сочетала христологию, сотериологию и экклезиологию» [Иларион, сщмч. 2004. Т. 2: 274]. В этом случае он целиком опирается на идеи И. В. Попова, который первым концептуализировал обожение как структурно необходимый элемент святоотеческого богословия [Gavrilyuk 2022: 100–127].

¹ О взглядах И. В. Попова на обожение см. статью прот. Павла (Хондзинского) [Хондзинский 2022: 306–322].

Другой важнейший аспект, в котором владыка Иларион гармоничен с И. В. Поповым, — понимание любви как единства: «Истина и спасение даны любви, то есть Церкви (целому)...» [Иларион, сщмч. 2004. Т. 2: 193], — пишет он. Для Попова любовь представляет собой гармоническое отношение воле, входящих в это единство [Попов 1897: 383–385]. Отметим, что в контексте «нового богословия» оба они — достойные ученики владыки Антония (Храповицкого) [Хондзинский 2018: 121–141].

В системе координат «нового богословия» владыка Иларион строит свою критику духа Запада, католичества и протестантизма: «Латинство, отпав от Церкви (от целого), изменило этому сознанию и провозгласило: истина дана <...> отдельной личности без Церкви (личности папы) <...> Протестантизм <...> возразил <...> и добавил: истина и спасение открыты всякой отдельной личности независимо от Церкви. Каждый отдельный человек был произведен в непогрешимые папы» [Иларион, сщмч. 2004. Т. 2: 193].

Иными словами, владыка Иларион, развивая идеи «нового богословия» и прежде всего своих учителей — владыки Антония (Храповицкого) и И. В. Попова, рассматривает любовь как основу единства Церкви, где истина и спасение принадлежат целому, а не отдельной личности. Эту концепцию он противопоставляет западным христианским традициям: католичеству, которое, по его мнению, сосредоточено на авторитете папы, и протестантизму, абсолютизирующему индивидуальное спасение вне Церкви.

Особое внимание он уделяет тому, как римо-католическое богословие повлияло и продолжает влиять на современную ему православную богословскую мысль. Центральным аспектом его анализа становится взаимосвязь сотериологии (рассматриваемой через призму христологии) и экклезиологии. Даже ключевые элементы католической доктрины и литургической практики, такие как учение о филиокве и совершение Евхаристии на опресноках, оцениваются им как «ощеживание комара, за которым не замечают верблюда» [Там же: 110]. Под «верблюдом» подразумевается концепция обожения, которая, по мысли архиепископа Илариона, объединяет в себе Воплощение Христа и духовное рождение человека в лоне Церкви [Легеев 2025: 117].

Показательно отношение владыки Илариона к такому важнейшему для Западной церкви автору, как блаженный Августин. В своих ранних

работах он ставил его в один ряд с Каппадокийскими отцами, но под влиянием идей владыки Антония (Храповицкого) в дальнейшем изменил свой подход в сторону радикального противопоставления восточной и западной традиций [Иларион, сщмч. 2004. Т. 3: 512]. Взгляды И. В. Попова, напротив, с течением времени обратились в сторону западной традиции, свою докторскую диссертацию он целиком посвятил личности и учению блаж. Августина [Попов 1916].

Описанные выше богословские взгляды владыки Илариона имели и практическое значение. Как в его отношении к католицизму, например, при решении вопроса о возможности принятия католиков в Православную Церковь без повторного совершения таинства крещения,² и в особенности к протестантизму, который в своей публицистической деятельности он критиковал предельно жестко, особенно в годы Первой мировой войны. Ярким примером служит случай с доцентом МДА А. В. Ремезовым, который принял решение отправиться на фронт. Владыка Иларион расценил подобный шаг не иначе, как уклонение от выполнения своих прямых обязанностей — противостояния «сектантству» и «немецкой вере» [Горбачев 2016: 86]. В этом его позиция перекликается с взглядами И. В. Попова, который познакомился с протестантизмом «вживую» еще во время стажировки в Берлинском университете в 1901 г. Он отмечал: «Либерализм не мешает профессорам и студентам оставаться завзятыми протестантами. Здесь царит богословие Ричля. Выбросив все догматическое содержание христианства, они приспособили его к современному научному миросозерцанию. Но в том, что у них остается положительного, они вовсе не являются независимыми мыслителями или христианами, стоящими вне сект: они истые протестанты» [Ячменик 2023: 135].

Испытания: закрытие МДА и аресты, соловецкий период, мученическая кончина

Вернемся к переломному 1917 г., который стал вехой, обозначившей начало нового этапа не только в политической истории России, но и в существовании Русской Православной Церкви. От споров о внешней орга-

² По мысли владыки Илариона, сам факт воссоединения с Церковью имеет столь высокую значимость, что «даже внешнее таинство Крещения, совершённое вне Церкви, может стать благодатным».

низации церковной жизни и разногласий по вопросам развития духовных учебных заведений необходимо было перейти к решению качественно иной задачи, которая неожиданно и с особой остротой встала перед Церковью — как сохранить христианскую веру в условиях нового государства, возникшего на территории бывшей Российской империи.

В деятельности И. В. Попова и владыки Илариона можно отметить тот же рубеж. Сначала они были сосредоточены на вопросах духовного образования, в решении проблем которого активно участвовали, будучи членами Поместного собора, а после его завершения все их внимание было отдано своей *alma mater*, поддержание нормального учебного процесса в которой, в силу известных причин, становилось все более затруднительным. Московская духовная академия, как известно, была закрыта в 1919 г., но некоторое время просуществовала в Москве на частных квартирах. В этот период, кроме того, оба они были заметными фигурами в окружении патриарха Тихона, что несомненно ставило их под удар. Реакции большевистских властей не пришлось долго ждать. Обоих ждали аресты и ссылки.

Следствию пришлось кстати связи Ивана Васильевича в Чехословацком посольстве, где он в свое время хлопотал о выезде на лечение, а еще раньше, по поручению Патриарха, через своего знакомого передал приказ о назначении митр. Платона (Рождественского) управляющим Северо-Американскими приходами. На Лубянке хорошо знали об этом. Теперь И. В. Попову предъявили обвинение в «сношениях с представителями иностранных государств с целью вызова со стороны последних интервенции по отношению к советской власти...» [Дамаскин, игум. 2005: 39]. Свою вину он не признал. Коллегия ОГПУ приговорила его к трем годам лишения свободы. В 1925–1927 гг. он отбывал заключение в Соловецком лагере, где работал учителем школы грамотности для заключенных [Голубцов 1999: 184–185]. Владыка Иларион был арестован в ноябре 1923 г., а в июле 1925 г. также оказался на Соловках, где руководил рыбацкой артелью [Горбачев 2016: 142–150].

В мае 1926 г. И. В. Попов стал составителем текста известного «Соловецкого послания», в котором, в частности, декларировалась лояльность заключенных епископов советской власти, несовместимость христианства с марксизмом и т. д. [К правительству СССР 1927: 19–26]. Известно, что владыка Иларион был вдохновителем этого документа [Струве 1998: 207–211]. «Главное в этом исповедании, — отмечает свящ. Александр

Мазырин, — утверждение приоритета для Церкви единения веры над целостностью внешней организации» [Мазырин 2016: 87]. Мысль действительно характерная для И. В. Попова,³ но, что интересно, совсем не характерная для владыки Илариона, который в своих «Очерках из истории догмата о Церкви» (1912) придавал огромное значение видимому внешнему единству Церкви, опиравшемуся для него прежде всего на единство с иерархией. Для него «...без иерархии нет Церкви» [Иларион, сщмч. 2004. Т. 1: 162]. Для Попова в «Религиозном идеале...» характерны скорее противоположные коннотации. Отметим, что прямо в этом отношении владыка Иларион своего учителя не критиковал, но критике взглядов его ближайшего друга С. И. Смирнова посвятил немало страниц.

Кроме того, профессор-мирянин и церковный иерарх разошлись в своем отношении к декларации митр. Сергия (Страгородского) 1927 г. И. В. Попов ее категорически не принял, по крайней мере так это было поначалу.⁴ Гораздо большее снисхождение к обстоятельствам времени проявил владыка Иларион. «Я ровно ничего не вижу в действиях митрополита Сергия и Синода его, что бы превосходило меру снисхождения или терпения», — говорил он [Горбачев 2016: 161]. Мученическая кончина подвела черту под разногласиями учителя и ученика, мирянина и архиерея. Архиепископ Иларион скончался в заключении в 1929 г., а профессор Попов был расстрелян в 1938 г.

Выводы

Общность истоков и идеалов. И. В. Попов и архиепископ Иларион, несмотря на разницу в возрасте и статусе (учитель и ученик, мирянин и иерарх), демонстрируют единство духовно-интеллектуальной традиции представителей духовного сословия. Их аскетизм, трудолюбие и преданность Церкви стали основой для богословских исканий, сфокусированных на важнейших вопросах Православия — обожении и описании границ Церкви.

Вклад в богословие. И. В. Попов заложил основы изучения обожения в русской академической науке, его идеи без сомнения повлияли

³ «...не в целостности внешней организации заключается Ее сила, а в единении веры и любви преданных Ей чад Ее...» [К правительству СССР 1927: 26].

⁴ До 1934 г. [Гаврюшин 2005: 399].

на богословов русской диаспоры, в частности на становление концепции неопатристического синтеза прот. Г. Флоровского и опосредованно на взгляды западных богословов. Архиепископ Иларион развил учение о Церкви как единственном источнике спасения, интегрировав идеи Попова в свою критику западных конфессий. Еще раз отметим преемственность взглядов владыки Илариона взглядам И. В. Попова: с одной стороны, на вопрос обожения, а с другой — на вопрос единства (понимаемого как любовь), которые он сумел творчески переосмыслить применительно к проблемам экклесиологии и, в частности, к конкретизации границ Церкви.

Период гонений. Взгляды владыки Илариона менялись от строгого акцента на видимом единстве Церкви через иерархию в его ранних трудах к поддержке «Соловецкого послания», составителем которого стал И. В. Попов. Таким образом, приоритетом для них обоих стало «единение веры и любви», не зависящее от целостности внешних церковных структур. Однако позиции И. В. Попова и владыки Илариона вновь расходятся в отношении Декларации митр. Сергия 1927 г., которую И. В. Попов первоначально категорически не принимает. В исторической перспективе их судьбы отражают драму выбора между принципиальностью и выживанием Церкви в условиях гонений, а сравнительный анализ двух типов служения (ученый-мирянин и архиерей) раскрывает внутренние противоречия и потенциал церковного ответа на вызовы XX в.

Данное исследование может содействовать пониманию механизмов адаптации Церкви к экстремальным историческим условиям. Анализ жизни и творчества мученика Иоанна и священномученика Илариона показывает, как личная верность евангельским идеалам, соединенная с научной строгостью, позволила сохранить преемственность православной традиции в эпоху катастроф, заложив основы ее возрождения в постсоветский период.

Источники

- Всероссийский съезд ученого монашества. 14 июля (8-й день) // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 76. 25 июля. С. 2.
- Живая жизнь. Всероссийский съезд ученого монашества // Богословский вестник. 1917. Т. 2. № 6/7. С. 142–146 (1-я пагин.).

- Журналы собраний Совета Императорской Московской духовной академии / Российская государственная библиотека. Москва, 1888. С. 336–337. URL: [https://search.rsl.ru/ru/record/ 01 004 114 436](https://search.rsl.ru/ru/record/01004114436) (дата обращения: 01.04.2025).
- Иларион (Троицкий), сщмч. Творения. В 3 т. Т. 1. Очерки из истории догмата о церкви / Иларион (Троицкий), сщмч. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. 503 с.*
- Иларион (Троицкий), сщмч. Творения. В 3 т. Т. 2. Богословские труды / Иларион (Троицкий), сщмч. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. 392 с.*
- Иларион (Троицкий), сщмч. Творения. В 3 т. Т. 3. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. 600 с.*
- Иларион Троицкий. Преображение души / отв. ред. О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации, 2012. 480 с.*
- К правительству СССР (Обращение православных епископов из Соловецких островов) // Вестник РСХД. 1927. № 7. С. 19–26.
- Письма И. В. Попова из научной командировки 1901–1902 гг. профессору С. И. Смирнову: к реконструкции академических связей / В. А. Ячменник, Д. С. Калашников // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 113. С. 129–142.
- Попов И. В. Естественный нравственный закон. Психологические основы нравственности. Сергиев Посад : 2-я Типография А. И. Снегиревой, 1897. 597 с. (Магистерская диссертация).*
- Попов И. В. Личность и учение блаженного Августина. Том 1. Ч. I. Личность блж. Августина. Ч. II. Гносеология и онтология блж. Августина. Сергиев Посад : Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. 621 с.*
- Попов И. В. Идея обожения в древневосточной церкви // Вопросы философии и психологии. 1909. ХСVII. С. 165–213.*
- Попов И. В. Религиозный идеал св. Афанасия Александрийского // Богословский вестник. 1903. Т. 2. № 12. С. 690–716; 1904. Т. 1. № 3. С. 448–483; Т. 2. № 5. С. 91–123.*
- Струве Н. А. Соловецкие епископы и декларация митрополита Сергия 1927 г. // Вестник РХД. 1998. № 152. С. 207–211.*

Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. Москва : Молодая гвардия, 1991. 462[2] с. (Звонница: Антология русской публицистики).

Ячменник В. А. К истории дружбы двух профессоров: Письма И. В. Попова С. И. Смирнову за 1904–1915 гг. // Богословские труды. 2024. № 51. С. 27–102.

Литература

Гаврюшин Н. К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород : Нижегородская духовная семинария, 2005. 672 с.

Голубцов С. А., протоиерей. Стратилаты академические : Ратоборцы за Церковь из корпорации Моск. Духов. Акад. первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь : По материалам архивов и публикаций : Обзор и исследование. Москва : Изд-во Правосл. братства Споручницы грешных, 1999. 288 с. : портр., карты; 24 см.

Горбачев А. А. Жизнь и труды священномученика Илариона. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 206, [1] с. : ил. портр.; 21 см.

Евгений, архиеп. Верейский. Богословское образование в России: История, современность, перспективы. Юбилейный сборник. Москва : Граница-А, Учеб. ком. Рус. Православ. Церкви, 2004.

Жития новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии. Дополнительный том 2 / Игумен Дамаскин (Орловский) и др.; под общ. ред. Митрополита Крутицкого Коломенского Ювеналия. Тверь : Булат, 2005. 268 с. : портр.

Легеев М., свящ. Богословие священномученика Илариона (Троицкого; 1886–1929) // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2025. № 1 (25). С. 113–131.

Мазырин А., свящ. К вопросу о богословии новомучеников // Церковь. Богословие. История: материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2016. С. 81–91.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунов. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.: ил. (Серия HISTORIA ROSSICA).

Никифоров М. В. Иоанн Васильевич Попов, мч. // Православная энциклопедия. Москва : Православная энциклопедия, 2010. Т. 23. С. 321–326.

Сидоров А. И., Тимофеев А. А. Профессор МДА И. В. Попов как христианин и православный ученый // Попов И. В. Труды по патрологии. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра; Московская духовная академия, 2004. Т. 1. С. 5–16.

Хондзинский П. В. Русское «новое богословие» в конце XIX — начале XX в.: к вопросу о генезисе и содержательном объеме понятия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 3. С. 121–141.

Хондзинский П. В. Эволюция представлений об обожении в богословском наследии И. В. Попова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. № 4 (40). С. 306–332.

Gavrilyuk P. How Deification Was Rediscovered in Modern Orthodox Theology: The Contribution of Ivav Popov // Modern Theology. 2022. 38 (1). P. 100–127.

References:

Evgenii, arkhiep. Vereiskii. *Bogoslovskoe obrazovanie v Rossii: Istoriya, sovremennost', perspektivy. Yubileinyi sbornik* [Theological Education in Russia: History, Modernity, Prospects. Anniversary collection]. Moscow, “Granika-A, Ucheb. kom. Rus. Pravoslav. Tserkvi” Publ., 2004.

Frank S. L. [The Ethics of Nihilism]. *Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: Sb. st. 1909–1910* [Milestones; Intellectuals in Russia: Collection of articles. 1909–1910]. Moscow, “Molodaya gvardiya” Publ., 1991. 462 p. (In Russ.)

Gavrilyuk, P. How Deification Was Rediscovered in Modern Orthodox Theology: The Contribution of Ivav Popov. *Modern Theology*, 2022, no. 38(1), pp. 100–127.

- Gavryushin, N. K. *Russkoe bogoslovie. Ocherki i portrety* [Russian theology. Essays and portraits]. Nizhny Novgorod, “Nizhegorodskaya dukhovnaya seminariya” Publ., 2005. 672 p.
- Golubtsov, S. A. *Stratilaty akademicheskie : Ratobortsy za Tserkov’ iz korporatsii Mosk. Dukhov. Akad. pervoi poloviny XX veka. Zhizn’, trudy i krestnyi put’: Po materialam arkhivov i publikatsii: Obzor i issledovanie* [The Academic Stratilates: Fighters for the Church from the Moscow Theological Academy corporation of the first half of the XX century. Life, Labor and Way of the Cross: Based on Archives and Publications: Review and Research]. Moscow, “Izdatel’sтво Pravosl. bratstva Sporuchnitsy greshnykh” Publ., 1999. 288 p.
- Gorbachev, A. A. *Zhizn’ i trudy svyashchennomuchenika Ilariona* [The Life and Works of the Holy Martyr Hilarion]. Moscow “Izdatel’sтво Sretenskogo monastyrya” Publ., 2016. 206 p.
- Khondzinskii P. V. [Russian «New Theology» in the Late 19th – early 20th Century: on the question of the genesis and substantive scope of the concept]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, religion, and the Church in Russia and abroad], 2018, no. 3 (36), pp. 121–141. (In Russ.)
- Khondzinskii, P. V. [The Evolution of the Concept of Deification in the Theological Legacy of I. V. Popov]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov’ v Rossii i za rubezhom* [State, religion, and the Church in Russia and abroad], 2022, no. 4 (40), pp. 306–332. (In Russ.)
- Legeev M., priest. [The Theology of St. Hilarion (Troitsky; 1886–1929)]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii* [Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy], 2025, no. 1 (25), pp. 113–131.
- Manchester, L. *Holy Fathers, Secular Sons. Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia*. Northern Illinois University Press, 2008. 302 p. (Russ. ed. Manchester, L. *Popovich i v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii*. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie” Publ., 2015. 448 p.).
- Mazyrin, A., priest. [To the question of the theology of the new martyrs]. *Tserkov’. Bogoslovie. Istoriya: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi*

- konferentsii (Ekaterinburg, 5–6 fevralya 2016 g.)* [Church. Theology. History: Proceedings of the IV International Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, February 5–6, 2016)]. Ekaterinburg, “Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya” Publ., 2016, pp. 81–91. (In Russ.)
- Nikiforov, M. V. [Ioann Vasilyevich Popov, martyr]. *Pravoslavnaya ehntsiklopediya*. Moscow, “Pravoslavnaya ehntsiklopediya” Publ., 2010, vol. 23, pp. 321–326. (In Russ.)
- Sidorov, A. I., Timofeev, A. A. [Professor I. V. Popov as a Christian and Orthodox scholar]. Popov I. V. *Trudy po patrologii* [Proceedings on Patrology]. Sergiev Posad, “Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra; Moskovskaya Dukhovnaya Akademiya” Publ., 2004. Vol. 1, pp. 5–16. (In Russ.)
- Struve, N. A. [Solovetsky bishops and the 1927 declaration of Metropolitan Sergius]. *Vestnik RKHD*, 1998, no. 152, pp. 207–211. (In Russ.)
- Yachmenik, V. A. [To the history of friendship between the two professors: Letters of I. V. Popov to S. I. Smirnov for 1904–1915]. *Bogoslovskie Trudy*, 2024, no. 51, pp. 27–102. (In Russ.)